

АРТЕФАКТ

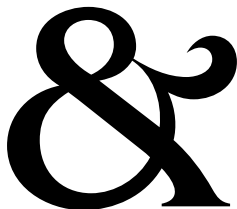

ДЕТЕКТИВ

**Читайте романы
Елены АРСЕНЬЕВОЙ
в серии «Артефакт & Детектив»:**

Бабочки Креза
Камень богини любви
Коллекция китайской императрицы
Письмо французской королевы
Рецепт Екатерины Медичи
Ключ к сердцу императрицы
Магический перстень Веры Холодной
Личный оборотень королевы
Дневник ведьмы
Клад вечных странников
Компромат на Ватикан
Портрет королевского палача
Коварные алмазы Екатерины Великой
Мудрая змея Матильды Кшесинской
Код Васнецова
Проклятый подарок Авроры
Клад маньчжурской принцессы
Тайна Зинаиды Серебряковой

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Елена АРСЕНЬЕВА

**Тайна
Зинаиды
Серебряковой**

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А85

Оформление серии *С. Курбатова*

Оформление обложки *Н. Кудри*

Арсеньева, Елена Арсеньевна.

А85 Тайна Зинаиды Серебряковой / Елена Арсеньева. — Москва : Эксмо, 2018. — 352 с. — (Артефакт & Детектив).

ISBN 978-5-04-096490-1

Мог ли подумать австралийский миллионер Джейсон Полякофф, решив однажды жениться на русской красавице Соне Богдановой, что любовь к ней сведет его с ума? Мог ли он ожидать, что эта любовь превратит его из законопослушного человека в преступника? Мог ли он представить, что желание обладать картиной, на которой изображена женщина, удивительно похожая на Соню, доведет его до ограбления русского провинциального музея, где хранится это сокровище — полотно Зинаиды Серебряковой «Прощание славянки»? И мог ли Джейсон вообразить, что Сонь окажется две, а он будет вовлечен не только в преступление, но и в историю многолетней мести...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Арсеньева Е.А., 2018
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-096490-1

Вот идет женщина, у которой самые красивые ноги в Северо-Луцке и районе! — истошно заорал кто-то сзади, и Лида чуть не выронила сумку. — Привет, Золотая Ножка!

Испуганно обернулась. Тощий, рыжий парень вытянул трубочкой толстые губы, сделал ими плотоядное: «Чмок!» — и пошел своей дорогой, то и дело, впрочем, оборачиваясь и меряя сладострастным взором предмет своего восхищения.

Вернее, предметы — ног-то было две.

Какой, оказывается, приятный город Северо-Луцк и какие приятные живут в нем люди! Главное, сообразительные: парень за какие-то полминуты успел сопоставить Лидины ноги с ногами всех местных женщин и присудить золотое яблоко с надписью «Прекраснейшей» именно ей. Человек-компьютер! Наверное, в голове у него собрался солидный банк данных, и вот мгновенно...

И вдруг Лиду осенило. Да почему мгновенно-то? Наверняка не раз любовался молодой человек «самыми красивыми ногами в Северо-Луцке и районе», не раз, конечно, выкрикивал вслед им что-то подобное.

«Золотая Ножка!» Как же Лида сразу не догадалась? Сонька Золотая Ручка, знаменитая одесская воровка.

А «Золотая Ножка» — это наверняка о ее сестрице. Сонька Золотая Ножка...

«Значит, мы все еще похожи, — подумала она почему-то испуганно, хотя, наверное, этого следовало ожидать от двойников-близняшек даже через двадцать семь лет после их появления на свет. — Меня приняли за нее, вот и всё. Мои ноги — за ее!»

Обиженно поджала губы. Значит, и вождение в глазах рыжего парня, и его сладострастное «Чмок!» не имели к ней, Лиде Литвиновой, никакого отношения. Все предназначалось Соне Богдановой.

Острый приступ зависти едва не заставил ее повернуть к вокзалу. Уже не впервые испытывает Лида это режущее чувство. Первый раз — как только прочла случайно найденное письмо Ирины Богдановой (своей родной матери, как выяснилось) и увидела выпавшую из конверта фотографию пятнадцатилетней девчонки с длинной челкой и яркой улыбкой.

Сначала показалось, это она сама, но такой фотографии у себя Лида не помнила. К тому же глаза и губы у девчонки были явно подкрашены, и в памяти мгновенно всплыло, сколько сражений ей пришлось выдержать в свое время с родителями... следовало бы уточнить: с приемными родителями! — которые ни в какую не позволяли ей выстричь челку, а тем паче — краситься, даже когда Лида собиралась на дискотеку. А если она возвращалась хоть на минуту позднее десяти вечера, в доме начиналось просто-таки мамаево побоище! У этой девчонки, конечно, было несчетно парней, которые провожали ее домой и с которыми она всю целовалась, конечно... Не то что Лида, которая поцеловалась впервые в двадцать лет, а когда решила наконец (в двадцать пять годиков!) переспать с мужчиной, не нашла ничего лучшего, как в самый ответственный момент лишиться чувств от их избытка.

Герой ее романа тоже оказался слабоват в коленках и так струхнул, что дал дёру, оставив Лиду распростертой на полу (эксперимент проводился не в тривиальной койке, а на раскиданных в живописном беспорядке мехах, роль которых исполняли Лидина новенькая норковая шубка и дубленка Анны Васильевны). А тут родители возьми да вернись с дачи! Увидав окровавленную — пардон! — дочь, в непотребной позе лежащую на раскиданных вещичках, Анна Васильевна решила, что имели место быть грабеж, изнасилование и убийство. Она тут же рухнула рядом с Лидой в тяжелейшем припадке...

Об этом тоже неохота было вспоминать, но вспоминалось всякий раз, когда Лиде взбрело в голову фантазия повторить опыт. Черта с два! Первое впечатление — самое сильное, и если кое-кто называл ее мужененавистницей, он был не так уж сильно не прав.

Лида потрянула головой, отгоняя ужасные картины, послушно всплывшие перед глазами, и смахнула слезинку.

Вот глупость, а? Разве ради этого приехала она сюда, в Северо-Луцк, и разве к слезам располагало замечательное приветствие, которым встретил ее рыжий губастый парень: «Вот идет женщина, у которой самые красивые ноги в Северо-Луцке и районе!» Может, он и имел в виду при этом Соню Богданову, но видел-то он перед собой Лиду Литвинову, и комплимент по праву предназначался именно ей.

Настроение слегка исправилось. Лида победно усмехнулась и пошла дальше по улице Красных Зорь, отыскивая номер 21-а на домах, которые отродясь не знали нумерации, но где-то на окраинах сознания билась-трепетала вороватая мыслишка, которая родилась у нее при первом же взгляде на фотографию

накрашенной пятнадцатилетней красотки — ее сестры-близнеца: «Вот бы мне быть такой! Ну почему, почему Литвиновы отдали матери именно Соньку, а не меня!»

* * *

Струмилина тормознули на самом въезде в Северо-Луцк. Посмотрел на часы — ну ничего, время пока есть поприпираться с этим лейтенантом, настолько заморенным жарой, что в лице его появилось почти жалкое выражение, а голубые глаза казались выцветшими. Сколько в такую отъявленную погоду вспыхивает опасных стычек между властью имущими и теми, кого они по службе гнут в дугу! С другой стороны, против лома нет приема, молчи, терпи и плачь, как писали классики.

Классики, как всегда, оказались правы.

Опасно улыбнувшись, лейтенант проверил документы, коварно подергав ремень безопасности, однако зря старался: Струмилинин пристегивался всегда, надо или не надо, с тех пор, как ровно год назад чуть не погиб: водителю внезапно стало плохо за рулем, а доктор Струмилинин по лихости своей пренебрегал привязным ремнем. Ваныч, бедняга, так и помер тогда от чертова тромба, ну а Струмилинин хоть и поломался немножко, но выжил все-таки.

— Багажник откроем, — велел инспектор.

Ничего интересного, кроме запаски в чехле, в багажнике не оказалось. Ее потребовали расчехлить. Потом последовал очередной приказ: дыхнуть.

Струмилинин исправно дыхнул. Поскольку ничего, кроме «Саровской», он в этот день не пил, инспектор разочарованно сморщил нос.

— А теперь на меня дыхни, — предложил отошедший от проверенного им «мерса» другой инспектор —

прапорщик. Даром что был он в звании пониже первого — возрастом куда старше, и во взоре у него не было ни грамма усталости. Карманчик на груди прапора заметно оттопыривался серо-зеленым: похоже, водила «мерса» откупался по всем правилам.

Даже более опытный нюх прапорщика не смог уловить ничего подозрительного в выдохах Струмилина. Лейтенант поиграл желваками.

— Пойдемте, в трубочку дышнете, — приглашающе махнул он на бунгало, в котором размещался пост ДПС.

— Пойдемте, — с видимой охотой согласился Струмилин, начиная размышлять, что бы это значило.

Да пожалуй, ничего особенного. Скорее всего, ребяташки, едва заступив на дежурство, уже начали заботиться, как будут снимать стресс вечером, вот и прицепились к бедолаге с номерами другой области.

Между тем инспектор был явно огорчен его готовностью подвергнуться экспертизе.

— Нет, не надо, — вдруг затормозил он, сделал к бунгало ДПС всего один шаг. — Лучше покажите ваш тексталон.

Струмилин и бровью не повел — показал.

— Все в порядке, — простонал инспектор, готовый признать поражение. — Извините... у вас водички попить не найдется?

Струмилин подал ему непочатую бутылку «Саровской» и с жалостью смотрел, как лейтенант хлобыщет из горлышка, постепенно возвращаясь к жизни. «Как бы ни ожил настолько, что прицепится уже всерьез!» — вспомнил Струмилин старинную сказку про какого-то Ивана, не то царевича, не то дурака, который напоил однажды в схожей ситуации Кошеля Бессмертного водичкой — на свою беду напоил!..

— Ну что? — спросил вдруг прапор. — Будем протокол составлять?

Лейтенант поперхнулся.

— За что? — осведомился Струмилин.

— А за езду с непристегнутыми ремнями, — сообщил прапорщик.

— Это с чего же вдруг? — не в шутку удивился Струмилин, вспомнив, как назойливо дергал лейтенант за ремень.

— С того, что, когда я к вам подошел, ремень не был пристегнут! — сообщил прапорщик.

Струмилин растерянно моргнул. Крыть нечем: не был ремень пристегнут. Похоже, такая маленькая деталь, как то, что Струмилин в это мгновение не сидел в кабине, а стоял возле багажника, не играла никакой роли. И он опять подумал про Ивана-царевича... нет, все-таки дурака!

— Уймись, Васильев, — сказал наконец-то прокашлявшийся «Кощей» — в смысле лейтенант. — Все в порядке там было с ремнем. Иди тормозни того синого, родилось у меня подозрение, что у него аптечки нету!

На миг в разочарованном взоре прапора, устремленном на Струмилину, вспыхнуло вожделение: у него-то аптечку не проверили! — однако он не посмел послушаться старшего по званию и, поигрывая жезлом, кинулся чуть не под колеса старенькой противно-синой «Волге», которая сразу пообещала поживу ДПС, предательски завизжав тормозами.

Возмевший недостаток влаги и обретший совесть лейтенант даже попытался вернуть полупустую бутылку. Струмилин с усмешкой махнул рукой на заднее сиденье, где лежали в пластиковой разорванной упаковке еще девять таких же бутылок:

— Да пейте на здоровье!

— Ого! — с уважением сказал лейтенант. — Крепко затарились. Дорога долгая?

— Нет, я уже практически приехал. А это — нижегородские сувениры друзьям. У вас такой воды нет.

— Значит, конкретно в наш городишко едете? — спросил лейтенант, озабоченно шныряя глазами, обретшими натуральный васильковый цвет, по вверенному ему участку шоссе. — Командировка или как?

«А не пошел бы ты подальше?» — осведомился Струмилин мысленно, однако вслух, неожиданно для себя, сказал правду:

— На поминки еду. Сегодня година дружку моему. Я не был ни на похоронах, ни на всяких девятинах-сороковинах — в аварию попал, — ну вот, надо почтить память.

Васильковые глаза лейтенанта внезапно приковались к его лицу, что-то мелькнуло в них — особенное, — и он спросил тихо:

— Это, случайно, не Костя Аверьянов?

Струмилин от неожиданности даже охрип:

— Он самый.

— Царство небесное, — тихо сказал лейтенант и, кинув бутылку и жезл под мышку левой руки, торопливо перекрестился.

— Царство небесное, — машинально отозвался Струмилин, глядя на него во все глаза. — А вы что, знали Костю?

— Мы соседи, — пояснил лейтенант. — *Были* соседи, да... Сегодня жена моя собирает стол для тех, кто захочет его помянуть. Эта-то сучка Сонька никого звать не намерена, вообще сомневаюсь, что она вспомнит, какой сегодня день, ну, хоть мы... Вы Соньку видели небось, знаете, что это за птица?

— Не имел такого удовольствия, — сухо отозвался Струмилин. — Однако наслышан сверх всякой меры.

— Во-во! — хмыкнул лейтенант. — Воистину — сверх всякой меры. Так что вот: приходите к нам после

девяти. Я раньше не смогу — на дежурстве. Адрес Костин знаете? Красных Зорь, двадцать один-а, квартира девятнадцать. А у нас квартира двадцать.

— Извините, не приду, — неловко отказался Струмилин. — Я нарочно еду встретиться с друзьями и сходить к Косте на могилку. И нынче же вечером обратно в Нижний.

Лейтенант вытянулся, кинул ладонь к козырьку, словно в стареньком «Рено» сидел перед ним сам министр внутренних дел, а не худой парень в мятой футболке, которого он только что мучил со всей строгостью закона:

— На кладбище будешь — передай Косте привет от Гоши Володина. От меня, значит.

— Сделаю, — кивнул Струмилин и с места взял скорость, опасливо поглядывая в зеркальце заднего вида. Надо же было ляпнуть такое: на поминки, дескать, приехал, а нынче же вечером — обратно. Одно из двух: или вечером сядет за руль пьяный вдрабадан — с поминок-то приличные люди в ином состоянии не уходят! — или вообще на них не будет пить. А разве такое возможно?!

Просто странно, что лейтенант Гоша не обратил на это внимания. Молодой еще. Вот тот изверг в форме, Васильев, непременно обратил бы!

* * *

— Внимание, дамы и господа! Просьба пристегнуть привязные ремни и воздержаться от курения. Наш самолет приступил к снижению и через несколько минут совершит посадку в московском международном аэропорту Шереметьево-2. Напоминаем вам, что, в интересах вашей же безопасности, на борту по-прежнему запрещено пользование мобильными телефонами. Самолет вступил в полосу низкой облачности, поэтому

просим извинить за возможные неприятные ощущения. Спасибо за внимание.

Иначе говоря, возможна болтанка. Джейсон поморщился. Это не неудобства, а большая гадость! Он в принципе хорошо переносил полет, но стоило вспомнить, как трясло при вылете из Сиднея... Желудок вдруг вздымался к горлу и там замирал. Джейсон справился с тошнотой, но многим пассажирам потребовались пакеты. Его соседка, весьма элегантная дама бальзаковского возраста, была среди них.

Джейсон, конечно, тактично отворачивался, однако никакого сочувствия не ощущал. Ведь еще в аэропорту Сиднея эта пассажирка обратила на себя его внимание своей подчернуто-ледяной, даже брезгливой ко всему окружающему физиономией, да и потом, оказавшись его соседкой, держалась отчужденно, даже не ответила на любезное приветствие, а только напустила на себя еще больше холода.

«Возможно, она опасается моих сексуальных домогательств? — подумал Джейсон. — Ведь эта феминистская американская мода доползла и до тихой, патриархальной Австралии! — Или, еще того лучше, лесбиянка-мужененавистница? От такой лучше держаться подальше». И он оставил все попытки быть приятным.

Потом, впрочем, лед был сломлен. Они даже разговорились, и Джейсону была поведена причина ее необычайной сдержанности и холодности.

Оказывается, Келли Рассел — а она направлялась в Россию впервые в жизни — специально предупреджали насчет этих русских, которые, как известно, причина всех бед, которые приключаются в цивилизованном мире. Это раньше, когда «железный занавес» только-только упал и они бросились в страны цивилизованного мира, их можно было сразу узнать.

Как правило, они были чрезмерно толстыми, громко-голосыми, носили нелепые малиновые пиджаки, за все платили наличными, причем доставали пачки долларов из карманов и швыряли на стол, не считая. Пальцы они при этом держали растопыренными — «веером», как говорят сами русские. Таких особей можно было легко выделить в толпе и держаться от них подальше. Но времена изменились. Русские изменились тоже. Теперь они — не все, конечно, а самые умные, то есть самые опасные! — похудели, вставили хорошие зубы, выучили английский (вернее, американский) язык, надели элегантные костюмы и обувь из настоящей кожи. Теперь они не расшвыривают деньги в пределах свободного мира, а, наоборот, норовят обобрать его, как только могут.

Накануне отлета «в эту варварскую Россию» Келли Рассел выслушала не меньше полусотни жутких историй о том, как элегантные, обаятельные джентльмены втираются в доверие к привлекательным австралийским бизнесвумен, прельщая их блестящими проектами выгоднейших инвестиций в самые стабильные отрасли полуживой российской промышленности. Знакомиться эти пройдохи почему-то предпочитают именно в самолетах, отчего Келли заранее надела на свое хорошенькое личико ледяную маску. Джейсон еще в аэропорту показался ей подозрительно-элегантным, а уж когда она услышала, как провожающий называет его «мистер Полякофф», то и решила, что начинают сбываться самые мрачные прогнозы ее приятельниц.

— Да, моя фамилия Полякофф, — сказал Джейсон. — И — вы только, ради бога, не пугайтесь, миссис Рассел! — во мне в самом деле есть толика русской крови! Ведь родители моего деда некогда вывезли его в Новый Южный Уэльс — это произошло в самом

начале столетия. У деда был совместный бизнес с австралийскими овцеводами, а эти вложения помогли ему сохранить капиталы потом, когда богатые люди в России лишились всего, до последнего гроша. Фирма же «Полякофф и Туитмен» (так звали австралийского партнера) процветала, хотя и называлась теперь просто «Вуул Полякофф».

— О, так вы тот самый «шерстяной Полякофф»! — вспомнила в это мгновение Келли, и лицо ее окончательно прояснилось.

— Да, — кивнул Джейсон, — Тот самый. Поэтому меня совершенно нечего бояться. Да и русский-то я всего лишь на четверть, потому что и дед, и отец женились уже на австралийках. А мои дети — если у меня когда-нибудь будут дети...

— Как? — перебила Келли, необычайно вдруг оживившись. — У вас нет детей?! Но почему? Ах, извините мою нескромность, сэр...

— Охотно извиняю, — легко улыбнулся Джейсон. — А детей у меня нет прежде всего потому, что я не женат.

— Иисусе сладчайший! — выдохнула Келли, из чего Джейсон сделал вывод, что его собеседница — ярая католичка. — Какая... какая необыкновенная удача! Видите ли, у меня в Сиднее — брачное агентство. О, совсем небольшое, конечно, однако оно пользуется популярностью у клиентов из среднего класса. И возможно, мистер Полякофф слышал, что русские невесты всегда пользуются во всем мире огромным спросом. И многие австралийские холостяки и вдовцы пытаются счастье наудачу, посылая свои брачные объявления в русские газеты. Однако, увы, в России жулики — не только мужчины, но и женщины. Не передать, сколько раз доверчивые австралийцы сталкивались с такой ситуацией: они получают снимок прекрасной женщины (а некоторым даже присылали видео, чтобы